

дѣлая баттарея бутылокъ. Діодоръ пилъ ужасно много, но не пьянѣлъ, только глаза его становились ярче, да голосъ громче.

Все шло пока мирно; Антонъ Кирилчъ замѣтно ступевался и старался говорить какъ можно меньше. За ужиномъ чуть было не произошло столкновеніе, но Діодоръ снова расхохотался, и все обошлось благополучно. О себѣ Діодоръ почти ничего не говорилъ, а больше спрашивалъ; съ матерью былъ очень нѣженъ, съ сестрою какъ-то иронически-почтителенъ, а съ Леночкой обращался по-товарищески, безпрестанно дѣлая ей гримасы и подмигиванья насчетъ разныхъ смѣшныхъ эпизодовъ во время ужина, чему Леночка много и искренно хохотала. Она была въ возбужденномъ состояніи и съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда можно было поговорить съ дядей наединѣ.

Послѣ ужина Антонъ Кирилчъ поспѣшилъ уйти въ свой кабинетъ, вызвавъ за собою жену.

— Уложите его поскорѣе! — приказалъ онъ имъ шопотомъ. — Вѣдь онъ пьянъ, какъ стелька, и, пожалуй, буянить будетъ. Уговорите его какъ-нибудь...

— Діодорухка! — робко заговорила мать, выходя въ залу, гдѣ сынъ еще сидѣлъ за бутылкой вина. — Ты бы легъ; тебѣ ужъ и постель постлана въ твоей комнатѣ. Двѣнадцатый часъ...

— Да, братецъ, тебѣ бы лечь лучше, — заискивающе прибавила Ольга Ивановна. — Ты, небось, съ дороги-то приусталъ, — надо и отдохнуть!

Діодоръ понялъ ихъ намѣренія и опасенія; это его разсмѣшило.

— Спасибо, спасибо, сестрица! — проговорилъ онъ насмѣшливо въ тонъ сестры и лукаво подмигивая не отходившей отъ него Леночкѣ. — Только напрасно беспокоитесь, — я спать всю ночь не стану; хорошо, Леночка? Мы вотъ съ нею бесѣдовать будемъ, старину вспоминать... Вери, Лена, свѣчку, пойдемъ, братъ, съ тобою въ нашу обитель... А вы спите, — мы вамъ мѣшать не будемъ. Мамаша, и вы идите, я съ вами завтра обо всемъ потолкую. Спокойной ночи!

Съ этими словами Діодоръ захватилъ со стола свѣчку и пошелъ въ свою комнату. Лена послѣдовала за нимъ. Марья Филипповна съ беспокойствомъ проводила ихъ глазами и, вздохнувъ, принялась убирать со стола, стараясь дѣлать это какъ можно тише. Потомъ прислушалась у Діодоровой двери, — тамъ шелъ тихій, мирный разговоръ. Тогда только старушка успокоилась и пошла въ свою спальню, гдѣ долго и горячо молилась, прежде чѣмъ лечь въ постель.